Соседи

Право, впору было подумать, будто в пруду что-то случилось, а на самом-то деле ровно ничего. Только все утки, и те, что спокойно дремали себе на воде, и те, что вставали на голову вверх хвостами — они и это умеют, — вдруг заспешили на берег. На мокрой глине запечатлелись следы их лап, и издали еще долго-долго слышалось их кряканье.

Вода тоже взволновалась, а ведь всего за минуту перед тем она стояла недвижно, отражая в себе, как в зеркале, каждое деревцо, каждый кустик, старый крестьянский дом со слуховыми оконцами и ласточкиным гнездом, а главное — большой розовый куст в полном цвету, росший над водой у самой стены. Только все это стояло в воде вверх ногами, как перевернутая картина. Когда вода взволновалась, одно набежало на другое, и вся картина пропала. На воде тихо колыхались два перышка, оброненных утками; их вдруг словно погнало и закрутило ветром. Но ветра не было, и скоро они опять спокойно улеглись на воде. Сама вода тоже мало-помалу успокоилась, и в ней опять отчетливо отразился домик с ласточкиным гнездом и розовый куст со всеми его розами. Они были чудо как хороши, но сами об этом не знали — им ведь никто об этом не говорил. Солнце просвечивало сквозь их нежные ароматные лепестки, и на душе у роз было так же хорошо, как у нас в минуты тихого счастливого раздумья.

— Как прекрасна жизнь! — говорили розы. — Одного только хотелось бы нам — поцеловать теплое красное солнышко да вон те розы в воде. Они так похожи на нас! А еще нам хотелось бы расцеловать и тех миленьких птенчиков вон там, внизу. Наверху, над нами, тоже есть птенчики, они высовывают из гнезда головки и попискивают. У них еще нет перышек, как у отца с матерью. Да, славные у нас соседи и вверху и внизу. Ах, как хороша жизнь!

Птенчики наверху и внизу — нижние-то только отражение верхних — были воробьи, мать и отец их — тоже. Они завладели пустовавшим с прошлого года ласточкиным гнездом и расположились в нем как у себя дома.

— Что это плавает по воде? Утиные дети? — спросили воробьишки, увидав утиные перья.

— Не задавайте глупых вопросов! — отвечала воробьиха-мать. — Не видите разве, что это перья, живое платье, какое ношу и я, какое будет и у вас, — только наше-то потоньше! Неплохо бы положить эти перышки в гнездо — они

славно греют. Хотелось бы мне знать, чего испугались утки. Должно быть, что-нибудь случилось там под водой, не меня же они испугались… Хотя, положим, я довольно громко сказала вам «Пип!». Тупоголовые розы должны бы знать, что случилось, но они никогда ничего не знают, только глядятся на себя в пруд да пахнут. Ох, как они мне надоели, эти соседи!

— Послушайте-ка этих милых птенцов наверху! — сказали розы. — Они тоже начинают пробовать голос. Они еще не умеют, но скоро научатся щебетать! То-то радости будет! Приятно иметь таких веселых соседей!

В это время к пруду подскакала пара лошадей на водопой. На одной сидел верхом деревенский парнишка. На нем ничего не было, он поснимал с себя все, одну только черную шляпу оставил. Она была черная, с широкими полями. Парнишка насвистывал, словно птица, и забрался с лошадьми на самую глубину пруда. Проезжая мимо розового куста, он сорвал розу, заткнул ее за ленту шляпы и теперь воображал себя страсть каким нарядным! Напоив лошадей, он уехал. Оставшиеся розы глядели вслед уехавшей и спрашивали друг друга:

— Куда это она отправилась?

Но никто этого не знал.

— Я бы тоже не прочь пуститься по белу свету! — сказала одна роза. — Только нам и в своей зелени неплохо! Днем солнышко пригревает, ночью небо светится еще краше! На нем много маленьких дырочек, через них и видать!

Дырочками они считали звезды — розам ведь можно и не знать, что такое звезды.

— Мы оживляем собою весь дом! — сказала воробьиха. — К тому же ласточкины гнезда приносят счастье, как говорят люди. Вот почему они так рады нам! Но соседи, соседи!.. Этакий вот розовый куст у стены только разводит сырость. Надеюсь, когда-нибудь его уберут отсюда, и на его месте вырастет хлеб. Розы на то только и годны, чтоб любоваться ими да пахнуть, самое большее — торчать в шляпе. От моей матери я слыхала, что они каждый год опадают, и тогда жена крестьянина собирает их и пересыпает солью, причем они получают уже какое-то французское имя, не могу его выговорить, да и без нужды мне. Потом их подогревают на огне, чтобы они были душистее. Вот и все. Они только на то и годятся, чтобы услаждать нос да глаза. Поняли?..

Настал вечер, в теплом воздухе заплясали комары и мошки, облака окрасились пурпуром, запел соловей. Пел он для роз о том, что красота — это

как солнечный свет на земле, что красота живет вечно. А розы думали, что соловей поет о самом себе, и не мудрено, что они так думали. Им и в голову не приходило, что песня эта — о них, они лишь радовались ей и думали: «А не могут ли и все воробьишки стать соловьями?»

— Мы отлично понимаем, что поет эта птица, — сказали воробьишки. — Вот только одно слово нам непонятно: что такое «красота»?

— Так, ничего, — отвечала им мать. — Одна видимость! На господском дворе у голубей есть свой дом, там их каждый день угощают горохом и зернами — я, к слову сказать, едала с ними, и вы тоже будете: скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты, — так вот, там во дворе есть две птицы с зелеными шеями и гребешком на голове. Хвост у них может распускаться, и как распустится — ну что твое колесо, да еще переливается разными красками, так что глазам невтерпеж! Зовут этих птиц павлинами, вот это-то и есть красота. Пообщипать их немножко — и выглядели бы не лучше нашего брата. Я бы их заклевала, не будь они такие большие.

— Я их заклюю, — сказал самый маленький, совсем еще голенький воробышек.

В доме жила молодая чета — муж и жена. Они очень любили друг друга; оба были такие работящие и расторопные, и в доме у них было очень нарядно и уютно. Каждое воскресное утро молодая женщина набирала целый букет самых красивых роз и ставила его в кувшине с водой на большой деревянный сундук.

— Вот я и вижу, что сегодня воскресенье! — говаривал молодой муж и целовал свою милую женушку; потом оба усаживались рядом, а солнце светило в окно, озаряя свежие розы и молодую чету.

— Глядеть на них тошно! — говорила воробьиха, заглянув из гнезда в комнату, и улетала.

Так повторялось из воскресенья в воскресенье, ведь свежие розы появлялись в кувшине каждое воскресное утро: розовый куст цвел все так же пышно. Тем временем воробышки уже успели опериться и тоже хотели полетать с матерью, но воробьиха сказала им:

— Сидите дома!

И они остались сидеть.

А она летела, летела, да и попала лапкой в силок из конского волоса, который закрепили на ветке мальчишки-птицеловы. Петля так и впилась воробьихе в лапку, словно хотела перерезать ее, и боль-то была какая, страх-то какой! Мальчишки подскочили и грубо схватили птицу.

— Простой воробей! — сказали они, но все-таки не выпустили воробьиху, а понесли ее к себе на двор, угощая щелчками по носу всякий раз, как она попискивала.

А на дворе у них жил в это время старичок, который занимался варкой мыла для бороды и для рук, в шариках и кусках. Веселый такой старичок, вечно переходил с места на место, нигде не задерживался подолгу. Увидел он у мальчишек птицу, услышал, что они собираются выпустить ее на волю — зачем им простой воробей! — и сказал:

— Постойте! Мы наведем на нее красоту!

Услыхала это воробьиха и вся задрожала, а — старичок достал из своего ящика, где хранились чудесные краски, сусального золота, велел мальчишкам принести ему яйцо, обмазал белком всю птицу и облепил ее сусальным золотом, так что воробьиха стала вся позолоченная. Но она и не думала о таком великолепии, а только дрожала всем телом. А старичок оторвал лоскут от красной подкладки своей старой куртки, вырезал его зубчиками, как петушиный гребешок, и прилепил воробьихе на голову.

— Ну вот, теперь глядите, как полетит золотая птица! — сказал старичок, выпустил воробьиху, и она в страхе понеслась прочь. Вот блеску-то было! Все птицы — и воробьи, и даже ворона, которая не вчера родилась, — не на шутку перепугались, но все же пустились вслед за воробьихой, желая знать, что это за важная птица такая.

— Прраво, диво! Прраво, диво! — каркала ворона.

— Постой! Постой! — чирикали воробьи.

Но она не желала останавливаться. В страхе летела она домой, каждую минуту готовая упасть на землю, а птиц, летевших за ней, все прибавлялось и прибавлялось — и малых и больших. Некоторые подлетали к ней вплотную, чтобы клюнуть ее.

— Ишь ты! Ишь ты! — щебетали и чирикали они.

— Ишь ты! Ишь ты! — зачирикали и птенцы, когда она подлетела к своему гнезду. — Это, наверное, и есть павлин! Ишь какой цветастый! Глазам невтерпеж, как говорила мать. Пип! Это и есть красота!..

И они всем скопом принялись клевать ее, так что она никак не могла проскользнуть в гнездо. От ужаса она не могла даже сказать «пип», не то что «я ваша мать». Остальные птицы тоже принялись клевать воробьиху и выщипали у нее все перья. Обливаясь кровью, упала она в самую середину розового куста.

— Бедная пташка! — сказали розы. — Мы укроем тебя. Склони к нам свою головку!

Воробьиха еще раз распустила крылья, плотно прижала их к телу и умерла у своих соседок, свежих, прекрасных роз.

— Пип! — сказали воробышки. — Куда же это запропастилась мамаша? Неужто она нарочно выкинула такую штуку и нам теперь самим придется промышлять о себе? Гнездо она оставила нам в наследство, но вот обзаведемся мы семьями, кому ж из нас им владеть?

— Да уж для вас здесь места не будет, когда я обзаведусь женой и детьми! — сказал самый младший.

— А у меня побольше твоего будет и жен и детей! — сказал другой.

— А я старше вас всех! — сказал третий.

Воробышки заспорили, захлопали крылышками и ну клевать друг друга... И вдруг — бух! — попадали из гнезда один за другим. Но и лежа на земле врастяжку, они не переставали злиться, кривили головки набок и мигали глазом, который смотрел наверх. Манера дуться у них была своя.

Летать они кое-как уже умели; поупражнялись еще немножко и порешили расстаться, а чтобы узнавать друг друга при встрече, уговорились шаркать три раза левою ножкой и говорить «пип».

Гнездом завладел младший и постарался рассесться в нем как можно шире. Теперь он стал в нем полный хозяин, да только ненадолго. Ночью из окон дома полыхнуло пламя и ударило прямо под крышу, сухая солома мгновенно вспыхнула, и весь дом сгорел, а с ним вместе и воробей. Молодые супруги, к счастью, спаслись.

Наутро взошло солнце, и все вокруг смотрело так, словно освежилось за ночь сладким сном. Только на месте дома осталось лишь несколько черных

обгорелых балок, опиравшихся на дымовую трубу, которая теперь была сама себе хозяйка. Пожарище еще сильно дымило, а розовый куст стоял все такой же свежий, цветущий, и каждая роза, каждая ветка отражались в тихой воде.

— Ах, что за прелесть — розы на фоне сгоревшего дома! — сказал какой-то прохожий. — Прелестнейшая картинка! Непременно надо зарисовать!

И он достал из кармана небольшую книжку с чистыми белыми страницами и карандаш — это был художник. Живо набросал он карандашом дымящиеся развалины, обгорелые балки, покосившуюся трубу — она заваливалась набок все больше и больше, — а на первом плане цветущий розовый куст. Он и в самом деле был прекрасен, ради него-то и рисовали картину.

Днем мимо пролетали два воробья, родившихся здесь.

— А где же дом-то? — сказали они. — Где гнездо? Пип! Все сгорело, и наш крепыш-братец тоже. Это ему за то, что он забрал себе гнездо. А розы таки уцелели! По-прежнему красуются своими красными щеками. У соседей несчастье, а им небось и горюшка мало! И заговаривать-то с ними нет охоты. Да и скверно тут стало — вот мое мнение!

И они улетели.

А как-то осенью выдался чудесный солнечный день — впору было подумать, что лето в разгаре. На дворе перед высоким крыльцом барской усадьбы было так сухо, так чисто; тут расхаживали голуби — и черные, и белые, и сизые; перья их так и блестели на солнце. Старые голубки-мамаши топорщили перышки и говорили молоденьким:

— В гррруппы, в гррруппы!

Так ведь было красивее и виднее.

— А кто эти серенькие крошки, что шмыгают у нас под ногами? — спросила старая голубка с зеленовато-красными глазами. — Эти серрые крошки!.. Серрые крошки!..

— Это воробышки! Хорошие птички! Мы ведь всегда славились своей кротостью, пусть поклюют с нами! Они никогда не вмешиваются в разговор и так мило шаркают лапкой.

Воробьи и в самом деле шаркали лапкой. Каждый из них шаркнул три раза левою лапкой и сказал «пип». Вот почему все сейчас же узнали друг друга — это были три воробья из сгоревшего дома: третий-то, оказывается, остался жив.

— Изрядно тут кормят! — сказали воробьи.

А голуби гордо ходили друг вокруг друга, выпячивали грудь, судили да рядили.

— Видишь вон ту зобастую? Видишь, как она глотает горох? Ей достается слишком много! Ей достается самое лучшее! Курр! Курр! Видишь, какая она плешивая? Видишь эту хорошенькую злюку? — И глаза у всех делались красными от злости. — В гррруппы! В гррруппы! Серрые крошки! Серрые крошки! Курр! Курр!..

Так шло у них беспрерывно, и будет идти еще тысячу лет.

Воробьи как следует ели, как следует слушали и даже становились было в группы, только это им не шло. Насытившись, они ушли от голубей и стали перемывать им косточки, потом шмыгнули под забором прямо в сад. Дверь в комнату, выходившую в сад, была отворена, и один из воробьев, переевший, а потому очень храбрый, вспрыгнул на порог.

— Пип! — сказал он. — Какой я смелый!

— Пип! — сказал другой. — А я еще смелее!

И он прыгнул за порог. В комнате никого не было. Это отлично заметил третий воробышек, залетел в глубину комнаты и сказал:

— Входить так входить или вовсе не входить! Вот оно какое чудное, это человечье гнездо! А это что здесь поставлено? Нет, что же это такое?

Прямо перед ними цвели розы, отражаясь в воде, а рядом, опираясь на готовую упасть трубу, торчали обгорелые балки.

— Нет, что бы это могло быть? Как это сюда попало?

И все три воробья захотели перелететь через розы и трубу, но ударились прямо об стену. И розы, и труба были нарисованные — большая великолепная картина, которую художник написал по своему наброску.

— Пип! — сказали друг другу воробьи. — Это так, ничего! Одна видимость! Пип! Это красота! Можете вы это понять? Я не могу!

Тут в комнату вошли люди, и воробьи упорхнули.

Шли дни и годы. Голуби продолжали ворковать, если не сказать ворчать, — злющие птицы! Воробьи мерзли и голодали зимой, а летом жили привольно.

Все они обзавелись семьями, или поженились, или как там еще это назвать. У них были птенцы, и каждый, разумеется, был прекраснее и умнее всех птенцов на свете. Все они жили в разных местах, а если встречались, то узнавали друг друга по троекратному шарканью левой ногой и по приветствию «пип». Самой старшей из воробьев, родившихся в ласточкином гнезде, была воробьиха. Она осталась в девицах, и у нее не было ни своего гнезда, ни птенцов. И вот ей вздумалось отправиться в какой-нибудь большой город, и она полетела в Копенгаген.

Близ королевского дворца, на самом берегу канала, где стояли лодки с яблоками и глиняной посудой, увидела она большой разноцветный дом. Окна, широкие внизу, суживались кверху. Воробьиха посмотрела в окно, посмотрела в другое, и ей показалось, будто она заглянула в чашечки тюльпанов: все стены так и пестрели разными рисунками и завитушками, а в середине каждого тюльпана стояли белые люди: одни из мрамора, другие из гипса, но для воробья что мрамор, что гипс — все едино. На крыше здания стояла бронзовая колесница с бронзовыми конями, которыми правила богиня победы. Это был музей Торвальдсена.

— Блеску-то, блеску! — сказала воробьиха. — Это, верно, и есть красота. Пип! Но тут она побольше павлина.

Воробьиха еще с детства помнила, как мать рассказывала о самой большой красоте, какую ей довелось увидеть. Затем она слетела вниз, во двор. Там тоже было чудесно. На стенах были нарисованы пальмы и разные ветви, а посреди двора стоял большой цветущий розовый куст. Он склонял свои свежие ветви, усыпанные розами, к могильной плите. Воробьиха подлетела к ней, увидав там еще нескольких воробьев. «Пип»! И она трижды шаркнула левою лапкой. Этим приветствием она из года в год встречала всех воробьев, но никто не понимал его — раз расставшиеся встречаются не каждый день, — и теперь она повторила его просто по привычке. А тут глядь — два старых воробья и один молоденький тоже шаркнули трижды левою лапкой и сказали «пип».

— А, здравствуйте, здравствуйте!

Оказывается, это были два старых воробья из ласточкиного гнезда и один молодой отпрыск.

— Так вот где мы встретились! — сказали они. — Место тут знаменитое, вот только поживиться нечем! Вот она, красота-то! Пип!

Из боковых комнат, где стояли великолепные статуи, выходило во двор много людей. Все подходили к каменной плите, под которой покоился великий мастер, изваявший все эти мраморные статуи, и долго-долго стояли возле нее молча, с задумчивым, но светлым выражением на лице. Некоторые собирали опавшие розовые лепестки и прятали их на память. Среди посетителей были и прибывшие издалека — из Англии, Германии, Франции. Самая красивая из дам взяла одну розу и спрятала ее у себя на груди. Видя все это, воробьи подумали, что здесь царствуют розы и что все здание построено исключительно для них. По мнению воробьев, это было уж слишком большою честью для роз, но так как все люди выказывали им такое уважение, то и воробьи не захотели отставать от них.

— Пип! — сказали они и принялись мести землю хвостами, косясь на розы одним глазом. Прошло немного времени, и они узнали в розах своих старых соседей. И это действительно было так. Художник, срисовавший розовый куст и обгорелые развалины дома, выпросил у хозяев позволение выкопать куст и подарил его строителю музея. Прекраснее этих роз не было на свете, и строитель посадил весь куст на могиле Торвальдсена. И теперь розы цвели над ней как живое воплощение красоты и отдавали свои алые душистые лепестки на память людям, приезжавшим сюда из далеких стран.

— Вас определили на должность здесь в городе? — спросили воробьи, и розы кивнули им: они тоже узнали своих сереньких соседей и очень обрадовались встрече с ними.

— Как хороша жизнь! — сказали они. — Жить, цвести, встречаться со старыми друзьями, ежедневно видеть вокруг себя ласковые лица! Тут каждый день словно великий праздник.

— Пип! — сказали воробьи между собой. — Да это и вправду наши старые соседки. Мы-то знаем, откуда они взялись — с деревенского пруда! Пип! Ишь, в какую честь попали! Вот уж истинно счастье дается иным во сне. И что хорошего в этих красных кляксах, ума не приложу. А вон торчит увядший лепесток. Видим, видим!

И они клевали его до тех пор, пока он не упал, но розовый куст стоял все такой же свежий и зеленый. Розы благоухали на солнце над могилой Торвальдсена и склонялись к самой плите, как бы венчая своей красотой его бессмертное имя.